

Иеромонах Иоанн (Лудищев)

Братия Московского Сретенского монастыря в 1830–1850-х годах

УДК 271.2-788-055.1(470-25)"1830/1850"
DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_326

Аннотация: В статье на основании впервые вводимых в научный оборот неопубликованных материалов раскрывается внутренняя жизнь Московского Сретенского монастыря в 1830–1850-х гг. Этот период в истории обители в отечественной историографии еще не становился объектом научного исследования. В статье на основании анализа целого ряда документов рассматривается количество и социальный состав монашествующих. Отмечается, что с начала 1840-х гг., когда штат монастыря был увеличен с 7 до 14 человек, в обители проживало не менее 14, а иногда даже и больше насельников, что для заштатного третьеклассного монастыря было довольно много. На конкретных примерах показывается, что среди братии Сретенского монастыря трудились и подвизались как ревностные труженики, так и лица, у которых были некоторые проблемы с дисциплиной, что, впрочем, характерно для любого монастыря в любую эпоху. В статье рассматривается материальное положение некоторых из членов братии. Вне всякого сомнения, изучение состава братии и повседневной жизни насельников Московской Сретенской обители является одним из наиболее важных и перспективных направлений в деле изучения истории этого монастыря.

Ключевые слова: митрополит Филарет (Дроздов), Москва, Московский Сретенский монастырь, монашествующие, братия монастыря, монашество в синодальный период, монашеский постриг, духовная консистория, завещание.

Об авторе: **Иеромонах Иоанн (Лудищев Дмитрий Владимирович)**

Наместник Московского Сретенского монастыря, проректор по воспитательной работе Московской Сретенской духовной академии.

E-mail: seminary@pravoslavie.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7568-6236>

Для цитирования: Иоанн (Лудищев), иером. Братия Московского Сретенского монастыря в 1830–1850-х годах // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 326–334.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2022

Hieromonk John (Ludishchev)

**The Brethren of the Moscow Sretensky Monastery
in the 1830s–1850s**

UDK 271.2-788-055.1(470-25)"1830/1850"

DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_326

Abstract: Based on unpublished materials introduced into scientific circulation for the first time, the article reveals the inner life of the Moscow Sretensky Monastery in the 1830s–1850s. This period in the history of the monastery in Russian historiography has not yet become the object of scholarly research. Based on the analysis of a number of documents, the article examines the number and social composition of monastics. It is noted that from the beginning of the 1840s, when the staff of the monastery was increased from 7 to 14 people, at least 14, and sometimes even more, inhabitants lived in the monastery, which was quite a lot for a provincial third-class monastery. Specific examples show that among the brethren of the Sretensky Monastery, both zealous workers and people who had some problems with discipline worked and labored, which, however, was typical for any monastery in any era. The article deals with the financial situation of some of the members of the fraternity. Without a doubt, the study of the composition of the brethren and the daily life of the inhabitants of the Moscow Sretensky monastery is one of the most important and promising areas in the study of the history of this monastery.

Keywords: Metropolitan Philaret (Drozdov), Moscow, Moscow Sretensky Monastery, monastics, brethren of the monastery, monasticism in the Synodal Period, monastic tonsure, spiritual consistory, testament.

About the author: **Hieromonk John (Ludishchev Dmitry Vladimirovich)**

Viceroy of the Moscow Sretensky Monastery, Vice-Rector for Educational Work at the Moscow Sretensky Theological Academy.

E-mail: seminary@pravoslavie.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7568-6236>

For citation: John (Ludishchev), hieromonk. The Brethren of the Moscow Sretensky Monastery in the 1830s–1850s. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 2, pp. 326–334.

История Сретенского монастыря середины XIX в. еще не становилась объектом серьезного изучения, в отличие, например, от начала и второй половины того же столетия [Иоанн Лудищев, 2010]. Вместе с тем история Сретенской обители в XIX в. представляет особый интерес, т.к. именно в это время монастырь из бедного заштатного трехклассного монастыря, который во второй половине XVIII в. находился в состоянии в том числе сильнейшего хозяйственно-экономического кризиса, превращается в один из духовно-просветительских центров Москвы. При этом 1830–1850-е гг. становятся своеобразным переходным периодом. В рамках данной статьи на основании архивных материалов рассматривается один из аспектов деятельности монастыря в указанный период – количественный, социальный состав и материальное состояние братии, особенности внутреннего быта обители.

В середине XIX в. настоятелями обители являлись игумены Мелхиседек (1836–1842), Константин (1842–1848), архимандриты Ионафан (1848–1853) и Виктор (1853–1859). Именно за этот период, в отличие от предыдущего, сохранилось гораздо больше данных о количестве монашествующих, проживавших в монастыре. Уже игумен Мелхиседек начинает регулярно посылать правящему архиерею свт. Филарету (Дроздову), митрополиту Московскому и Коломенскому, соответствующие сведения, которые сохранились вплоть до настоящего времени (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 12. Л. 48, 50 об., 53, 55, 57 об., 58, 163). При игум. Мелхиседеке в начале 1840-х гг. штат Сретенского монастыря был увеличен с 7 до 14 человек (настоятель – 1; иеромонахов – 4; иеродиаконов – 2; монахов – 7).

Ситуация же с количеством монашествующих в период с 1842 по 1852 гг. отображена в таблице 1 (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 7. Л. 147 об.–148, 343 об.–344, 515 об.–516; Д. 8. Л. 106 об.–107, 217 об.–218, 406 об.–407; Д. 270. Л. 1–7; 10–14, 18–25, 31–38, 41–48).

**Таблица 1. Количество монашествующих
в Московском Сретенском монастыре (1842–1852)**

<i>Год</i>	<i>Настоятель</i>	<i>Иеромонахи</i>	<i>Иеродиаконы</i>	<i>Монахи и бельцы</i>	<i>Всего</i>
1842	1	7	3	5	16
1843	1	6	3	6	16
1844	1	6	3	6	16
1845	1	5	2	6	14
1846	1	5	2	8	16
1847	1	5 + 1 белый священник	2	9	18
1848	1	3 + 1 белый священник	2	7	14
1849	1	3 + 1 белый священник	2	7	14
1850	1	4 + 1 белый священник	2	10	18
1851	1	6	2 вдовых диакона	7	16
1852	1	6	2	9	18

Из данных, представленных в таблице, видно, что в середине XIX в. в Сретенском монастыре проживало не менее положенных по штату 14 человек, а в некоторые годы и больше на два и даже четыре человека.

Впрочем, в эти отчеты не попадали те из монашествующих и послушников, которые приходили и по тем или иным причинам покидали монастырь в течение года. Так, например, в январе 1848 г. в монастырь был определен послушник

из Палеостровского монастыря Павел Георгиевский. Однако уже 20 декабря 1848 г. он, согласно прошению, был переведен в число братства Николаевского Перервинского монастыря (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 426, 464, 548).

Иногда в качестве инициатора быстрого перевода выступало само монастырское начальство. Так, в июне 1851 г. в Сретенский монастырь перевелся из Иверского Богородицкого первоклассного монастыря Новгородской губернии иеродиак. Антоний. Имевшаяся в указе характеристика была вполне комплиментарна для о. Антония: «Исправляет череду священнослужения. Судим и штрафован не был. Поведения хорошего, к послушаниям весьма способен» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 841). Однако уже через два месяца настоятель монастыря игум. Ионафан сообщал митрополиту: «Находящийся во вверенном мне Сретенском монастыре иеродиакон Антоний ведет жизнь, не сообразную со своим званием. Часто отлучается из монастыря самовольно и неизвестно куда. Нередко возвращается по отпуске в нетрезвом виде и в позднее время, к службе Божией не радит и из церкви уходит преждевременно. На делаемые ему от меня замечания касательно беспорядочной его жизни, всегда слышится одна грубость и непризнательность» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 842). Реакция священноначалия последовала незамедлительно и была вполне ожидаемой, если говорить о строгости: «Иеродиакон, с запрещением священнослужения, послать немедленно в Берлюковскую пустынь под строгий надзор до усмотрения» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 885).

Случались и несколько курьезные случаи. Весной 1852 г. послушник Мценского Петропавловского монастыря Алексей Лебедев изъявил желание перевестись в Сретенский монастырь. Однако в скором времени выяснилось, что он одолжил из монастырской суммы Петропавловской обители себе на одежду 5 руб. серебром и на дорогу 70 коп. серебром. Деньги же спустя положенное время так и не вернул. В этой связи настоятель Мценского монастыря сообщал настоятелю Сретенской обители, что он не может дать согласие на перевод, пока послушник не вернет монастырю 5 руб. 70 коп. В итоге послушнику Алексею Лебедеву в определении в Сретенский монастырь было отказано (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 9. Л. 86, 158, 161).

Из приведенных примеров видно, что, несмотря на существовавшие строгие правила и запреты на переход из одного монастыря в другой, в XIX в. такие переходы все же нельзя считать редким явлением. Причем в некоторых случаях инициатором перемещений выступала центральная церковная власть. Так, в 1843–1844 гг. из консистории в Сретенский монастырь поступило сразу несколько запросов по поводу того, есть ли в обители желающие отправиться для несения монашеского служения в Литовскую епархию. На все эти запросы строитель игум. Константин отвечал, что таковых не имеется (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 12. Л. 65–66, 70). В данном случае речь шла, разумеется, о том, чтобы увеличить количество монашествующих в обителях на территории нынешней Беларуси и Литвы, где в 1839 г. при участии митр. Иосифа (Семашко) произошло массовое присоединение униатов к Православной Церкви. В новых реалиях монастыри должны были стать духовно-просветительскими центрами [Романчук, Берташ, 2010].

Примечательно, что постригов, совершавшихся непосредственно в самой Сретенской обители, было не так много. Так, при игум. Мелхиседеке только в 1838 г. постриг приняли монах Ириной (Протопопов), монах Виктор (Иванов) и монах Рафаил (Павлов). При игум. Константине в монашество был пострижен только монах Анастасий (Прохоров) в 1848 г. При игум. Ионафане в монашество были пострижены три человека: в 1851 г. иером. Григорий (вдовый священник Герасим Митропольский), в 1853 г. иеродиакон Леонтий (рясофорный диакон Лев Лебедев) и монах Венедикт (Первенцев).

Если говорить о сословном происхождении монашествующих, то в Сретенском монастыре в разные времена были представители как духовного, так и иных сословий.

Так, в период с 1836 г. по 1842 г. в обители за весь период подвизалось 10 иеромонахов, 4 иеродиакона, 4 монаха и 4 послушника. Из 10 иеромонахов 5 происходили из духовного сословия, остальные — из мещан, купечества и военных. Из 4 иеродиаконов 2 являлись выходцами из духовного сословия, 1 — из крестьян, 1 — из купеческого сословия. Из монахов 2 были из крестьян, 1 — из дворовых, 1 — из цеховых. Из послушников 2 являлись выходцами из духовного сословия, 1 — из крестьян, 1 — из мещан. Таким образом, практически половина монашествующих в это время являлись выходцами из духовного сословия. Не редкостью были выходцы из мещан и купеческого сословия.

Однако через несколько лет ситуация несколько изменилась. Так, в период с 1848 по 1853 г. в монастыре подвизалось 36 человек: 9 иеромонахов и два вдовых священника, 4 иеродиакона, 5 монахов и 16 послушников. Из них 23 человека являлись выходцами из духовного сословия, остальные из крестьян, мещан, военного и купеческого чинов. Таким образом, выходцев из духовного сословия теперь было практически в два раза больше.

В Сретенском монастыре монашествующие выполняли традиционные для городской обители послушания. Помимо священнослужения тех, кто был в священном сане, братия несла послушания на клиросе, колокольне и т.п. Сретенский монастырь не являлся общежительным, и у каждого из членов братии обители было свое имущество, состояние которого зависело в том числе от доходов. Доходы же, разумеется, также отличались. В более выгодном положении оказывались те, кто был рукоположен в священный сан. Они могли нести священническое служение не только в стенах монастыря, но и в некоторых городских храмах, разумеется, с благословения священноначалия.

Одним из основных источников доходов для всей братии была «братская кружка», включающая в себя доходы от служения молебнов, панихид и других треб, а также процентов с капиталов, которые специально жертвовались в пользу настоятеля и братии. При этом распределение денежной суммы также зависело от сана и положения монашествующих в обители. Так, например, за сентябрь 1837 г. общая сумма в размере 1191 руб. 33 коп. была разделена следующим образом: игумену Мелхиседеку — 397 руб. 11 коп.; иеромонахам Антонию, Иоилу, Герману, Паисию, Иосифу — по 74 руб. 40 коп. каждому; иеродиакону Владимиру — 69 руб. 81 коп., иеродиакону Парфению — 54 руб. 50 коп.; монаху Мартиниану — 50 руб., монаху Сергию — 23 руб. 50 коп.; послушнику Дмитрию — 29 руб. 92 коп., послушнику Ивану (Протопопову) — 47 руб. 70 коп., послушнику Василию (Короткову) — 23 руб., послушнику Стефану — 20 руб. 90 коп., послушнику Николаю — 30 руб.; заштатным послушникам: Григорию (Федотову) — 24 руб. 63 коп., Константину (Иванову Шапошникову) и Феодору (Троицкому) — по 24 руб. 13 коп. каждому (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 6. Л. 116–118 об.).

Разумеется, для характеристики повседневной жизни монашествующих важен также вопрос об отлучках братии из обители. В разные времена синодального периода ситуация несколько менялась. Что касается рассматриваемого времени, то известно, что в 1841 г. иером. Паисий написал прошение на двухмесячный отпуск в Орловскую губернию для встречи с родными. Ответ из Московской духовной консистории был довольно резким и категоричным: «Нет необходимости монаху видеться с родственниками, довольно молитвы за них» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 6. Л. 562).

Однако проходит всего десять лет, и при игум. Ионафане в 1851 г. была заведена специальная книга, в которой отмечались все выходы братии из Сретенской обители с указанием числа отпуска, кто отлучался и с какой целью, кем было разрешено отсутствие, время ухода и возвращения, в должном ли состоянии вернулся насельник в обитель (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 276).

Имеющиеся в книге сведения, например, за январь–сентябрь 1853 г., позволяют узнать, какое служение несли насельники обители. Так, значительное количество

выходов из обители было связано с совершением богослужений, как всенощных бдений, так и Божественных литургий в следующих храмах Москвы: Александра Невского при Императорской практической академии коммерческих наук («Церковь в Практической Академии»); святого Георгия, что на Красной горке; Спаса Преображения, что на Песках, за Петровскими воротами в Каретном ряду («Церковь Спаса, что в Каретном ряду»); Преображения Господня, что в Спасской («Церковь Спаса, что в Спасском»); в Иверской часовне. Отдельно отмечались выходы братии за провизией, казначея по делам, связанным с должностью. В книге также указывались выходы братии в баню, «в рынок для покупки нужных вещей по келии». Послушник Агапий Петров несколько раз покидал монастырь для встречи с родителями, другой послушник, Петр Стефанов, в январе 1853 г. однажды отлучался в Глазную больницу для посещения своего брата. Отпускалась братия и на богомолье в Симон-нов, Воскресенский, Иосифов, Николо-Перервинский монастыри, в Берлюковскую пустынь. Другими словами, обстановка, связанная с выходом из монастыря, стала несколько свободней.

В жизни каждого монастыря происходили различные происшествия, в том числе и несчастные случаи. Не является исключением и Сретенская обитель. Так, в 1848 г. в монастыре после нечаянного падения с лестницы на колокольне скончался послушник Стефан Васильев. По происхождению он был из мещан и в Сретенском монастыре трудился с 1835 г. О трагедии игум. Константин, как и полагалось, сообщил правящему архиерею: «Вверенного мне Сретенского монастыря послушник Степан Васильев, 68 лет, 1 июня в 7 часов пополудни, подвязывая на монастырской колокольне к языку колокола новую веревку для благовеста, нечаянно упав с первой верхней лестницы на помост верхней таковой же, убился до смерти. При осмотре же его, Васильева, врачом оказалось, что у него на голове две раны от падения с лестницы» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 485; Д. 12. Л. 92).

На этом дело можно было бы закрыть. Однако 5 июня 1848 г. надзиратель 1-го квартала получил предписание допросить игум. Константина об образе жизни погибшего послушника, а также выяснить, по чьему указанию он поднимался на колокольню, не враждовал ли он с кем-нибудь. Кроме того, в ходе следствия выяснилось, что в это же время на колокольне находился еще иеродиак. Антиох. В связи с этим возникло подозрение, что послушника могли и убить. На все вопросы настоятель отвечал, что погибший послушник отличался хорошим поведением. В день смерти он пошел на колокольню по собственному почину, т.к., будучи в монастыре звонарем, он должен был привязать к языку одного из колоколов новую веревку. Иеродиакон же Антиох поднялся на колокольню исключительно из любопытства, желая посмотреть на вечернюю Москву. Между ним и погибшим не было никакой вражды. Игумен Константин настаивал на том, что послушник погиб исключительно по неосторожности. По итогам проведенного расследования консистория направила в монастырь указ, в котором, в соответствии с резолюцией митрополита, игумену говорилось среди прочего, что «не надлежало престарелого употреблять к делу, которое требует бодрости» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 511).

Безусловно, не обходилась монашеская жизнь и без нарушений дисциплины со стороны некоторых из членов братии. В таких случаях, в зависимости от тяжести нарушений, а также от их систематичности, принимались решения о взысканиях. Иногда все ограничивалось только небольшими прещениями в монастыре, в особых случаях дела передавались на рассмотрение епархиального священноначалия. В последнем случае наказания могли быть уже гораздо более серьезными, вплоть до перевода в другой монастырь или даже запрета в священнослужении.

В 1847 г. в Сретенский монастырь был направлен вдовый священник Василий Смирнов. Церковное начальство, надо полагать, надеялось, что через какое-то время он примет монашество. Однако через три года, в мае 1850 г., в ведомости о личном составе монастыря по поводу этого священника было записано, что прежней положительной рекомендации он не заслуживал, т.к. регулярно находился в нетрезвом

виде. В сентябре 1850 г. игум. Ионафан сообщал митр. Филарету: «Находящийся во вверенном мне монастыре вдовый священник Василий Михайлов Смирнов ведет жизнь не сообразную со своим званием — весьма часто бывает в нетрезвом виде, от чего делает опущение по своей должности и причиняет буйным своим характером беспокойство братии; нередко неизвестно куда отлучается из монастыря. Сего 7 сентября был приведен полицейским чиновником в пьяном виде» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 734). В результате 19 сентября 1850 г. свящ. Василий Михайлов резолюцией митрополита был переведен в Николаевский Угрешский монастырь под строгий надзор настоятеля (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 270. Л. 1–30).

В 1853 г. иером. Герман, подвизавшийся в обители еще с 1827 г. — в Сретенском монастыре он принял постриг в 1830 г., — был запрещен в священнослужении со следующей характеристикой: «За своенравие и упрямство не заслуживает одобрения». В мае 1853 г. он был переведен в Екатерининскую пустынь с запрещением священнослужения. При этом в указе отмечалось, что «иеромонах Герман, несмотря на все его, игумена, увещания и штрафования, во время литургии не раздает предстоящим в церкви антидора и один постоянно, в виду братии и других, уходит из церкви во время чтения правила» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 270. Л. 1–7, 18–38, 51–59). Также, несмотря на неоднократные требования явиться в консисторию, о. Герман этого так и не сделал, за что он был лишен еще и дохода. К сожалению, официальные бумаги не дают возможности увидеть и понять, что произошло с человеком, который нес монашеское служение в течение уже нескольких десятилетий (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 9. Л. 212, 227).

Иногда за проступки насельников монастыря замечание могло быть сделано и самому настоятелю. Например, когда в 1856 г. монах Сретенского монастыря Парфений (Андреев) «по обнаруженной нетрезвости и за бесчинные поступки» был отправлен под присмотр в Угрешский монастырь, игумену Сретенской обители было сделано следующее внушение: «Игумену Сретенского монастыря поставить на вид, что монах Парфений поспешно и без внимательной осмотрительности удостоен им пострижения в монашество, в летах молодых, из крестьянского сословия, после кратковременного искуса от 9 мая 1852 года до 12 октября 1855 года, и затем внушить, чтобы на будущее время, стараясь не умножать число слабых монахов, представлял к пострижению из крестьянского сословия не иначе, как по довольном приготовлении их к монашеской жизни и по тщательном удостоверении в истинности их расположения к строгому монашескому житию» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 9. Л. 794).

Безусловно, среди монашествующих нарушителей было гораздо меньше, чем тех, кто вел вполне примерный и даже образцовый образ жизни. В этой связи можно считать одним из перспективных направлений в деле дальнейшего изучения истории Московского Сретенского монастыря исследование жизненного пути монашествующей братии, благодаря чему можно будет уже на конкретных примерах говорить о количестве как нарушителей, так и тех, кто был примером монашеской жизни.

Скончавшихся насельников и насельниц московских мужских и женских монастырей, по словам известного историка, археолога и искусствоведа И. М. Снегирева, чаще всего хоронили в Московском Покровском монастыре [Снегирев, 1877, 32; Давиденко, 2017, 391]. Действительно, из имеющихся материалов известно, что в Покровском монастыре в 1847 г. был похоронен 55-летний иеромонах Сретенского монастыря Иосиф, который до этого проходил лечение в Екатерининской больнице (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Л. 304; Д. 12. Л. 85 об.). Также на Покровском кладбище в 1853 г. был похоронен монах Сретенского монастыря Сергей, бывший до поступления в монашество студентом Императорского Московского университета (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 276. Л. 1а об.).

В случае кончины монашествующих в обители их имущество распределялось согласно составленным завещаниям. Если завещаний не было, то опись имущества

направляли в духовную консисторию, которая и принимала решение об оставшихся вещах и суммах.

Так, после скончавшегося в 1847 г. иером. Иосифа, упоминавшегося выше, осталась довольно значительная сумма в 2200 руб. ассигнациями и немало вещей (одежда, мебель, книги и др.). Некоторые из вещей было решено продать, а вырученные средства положить в Московский опекунский совет «под билет сохранной казны на вечное время, из процентов с оного капитала ежегодно отделять половину на церковные потребности, а другую употреблять в раздел настоятеля с братиею за поминовение его души» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8; Л. 304; Д. 12. Л. 85 об.). В том же 1847 г. скончался еще иером. Герасим. Имущество, оставшееся после него, в сравнении с имуществом о. Иосифа, было гораздо скромнее, т.к. и вещей было меньше, а оставшаяся сумма составила всего 200 руб. ассигнациями (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 12. Л. 284). В 1850 г. скончался 61-летний иером. Платон. После него осталось 47 руб. 82 коп. серебром, которые, по предложению игумена, предлагалось «записать на приход монастырской суммы, с употреблением оных на постройку вновь строящегося братского корпуса» (ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 12. Л. 613, 687). Таким образом, из сохранившихся текстов завещаний видно, что в монастыре подвизались и проживали люди с разным достатком.

Подводя итог, следует сказать, что после значительного снижения количества монашествующих в Московском Сретенском монастыре во второй половине XVIII в., в XIX столетии ситуация начинает меняться в лучшую сторону. В рассматриваемое время увеличивается не только штат монастыря, но и число монашествующих, которых проживало не меньше, а иногда и больше того количества, которое полагалось по штату. Если говорить о сословности, то из сохранившихся послужных списков видно, что среди братии были представители всех сословий: духовного, крестьянского, мещанского, купеческого и даже дворянского. Среди братии Сретенского монастыря трудились и подвизались как ревностные труженики, так и лица, у которых были некоторые проблемы с дисциплиной. С одной стороны, это характерно для любого монастыря в любую эпоху. Вместе с тем нельзя сказать, что среди братии Сретенской обители были какие-либо злостные нарушители, которые негативно влияли на повседневную жизнь. Учитывая тот факт, что монастырь был заштатным и особножительным, некоторые насельники, в первую очередь — в священном сане, несли свое священническое служение в том числе и за стенами монастыря, т.е. по приглашению в других соборах и храмах города Москвы. Достаток у монашествующих отличался, и порой довольно серьезно. После кончины монашествующих как Сретенского, так и других московских монастырей в XIX — начале XX вв. чаще всего хоронили на кладбище при Московском Покровском монастыре. Дальнейшее изучение состава братии и повседневной жизни насельников Московского Сретенского монастыря является одним из наиболее важных и перспективных направлений в деле изучения истории этой обители.

Источники и литература

Источники

1. ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года — Центральный государственный архив города Москвы (до 2013 г. — Центральный исторический архив Москвы, Центральный архив города Москвы). Ф. 1184. Оп. 1. Д. 6. Указы и манифесты именные и учреждений, главным образом Московской духовной консистории, по административно-хозяйственным и церковным делам, а также по общественному благоустройству и исполнению общеадминистративных распоряжений. 1837–1841 гг.

2. ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 7. Указы и манифесты именные и учреждений, главным образом Московской духовной консистории, по административно-хозяйственным и церковным делам, а также по общественному благоустройству и исполнению общеадминистративных распоряжений. 1842–1844 гг.

3. ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 8. Указы и манифесты именные и учреждений, главным образом Московской духовной консистории, по административно-хозяйственным и церковным делам, а также по общественному благоустройству и исполнению общеадминистративных распоряжений. 1845–1851 гг.

4. ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 9. Указы и манифесты именные и учреждений, главным образом Московской духовной консистории, по административно-хозяйственным и церковным делам, а также по общественному благоустройству и исполнению общеадминистративных распоряжений. 1852–1859 гг.

5. ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 12. Реестр входящих бумаг. 1797–1883 гг.

6. ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 270. Именные ведомости о монашествующих. 1848–1890 гг.

7. ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 года. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 276. Ведомость об отлучках из монастыря монашествующих и послушников. 1853 г.

Литература

8. Давиденко (2017) — *Давиденко Д. Г.* Московский в честь Покрова Пресвятой Богородицы ставропигиальный женский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. XLVII. С. 387–394.

9. Иоанн Лудищев (2010) — *Иоанн (Лудищев), иером.* Материалы к изучению истории Сретенского монастыря // Сретенский сборник. 2010. Вып. 2. С. 244–402.

10. Романчук, Берташ (2010) — *Романчук А., прот., Берташ А., прот.* Иосиф (Семашко), митр. // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. XXV. С. 658–669.

11. Снегирев (1877) — *Снегирев И. М.* VII. Покровский монастырь, что на Убогих домах в Москве // Русские достопамятности. М., 1877. Т. 1. С. 1–38.